

Рецензии и обзоры

«Лайфхаки», “how to” и «напутствия» в учебном пособии по сбору данных в качественных исследованиях

DOI: 10.19181/inter.2020.12.3.6

Ссылка для цитирования:

Штейнберг И. Е. «Лайфхаки», “how to” и «напутствия» в учебном пособии по сбору данных в качественных исследованиях // Интеракция. Интервью. Интерпретация. 2020. Т. 12. № 3. С. 106–121.

DOI: <https://doi.org/10.19181/inter.2020.12.3.6>

For citation:

Shteinberg I. E. (2020) Life Hacks, How Tos, and Guides in the Qualitative Research Data Collection Tutorial. *Interaction. Interview. Interpretation*. Vol. 12. No. 3. P. 106–121. DOI: <https://doi.org/10.19181/inter.2020.12.3.6>

Илья Штейнберг*

Рецензия на книгу А. В. Ваньке, Е. В. Полухиной и А. В. Стрельниковой «Как собрать данные в полевом качественном исследовании». М: Издательский дом Высшей школы экономики. 2020. ISBN 978-5-7598-1960-8 (paperback)
ISBN 978-5-7598-2086-4 (epub)

Представлена рецензия на учебное пособие А. В. Ваньке, Е. В. Полухиной и А. В. Стрельниковой «Как собрать данные в полевом качественном исследовании». Авторы книги описывают совместный опыт участия в полевых исследовательских проектах, выбирая жанр “how to” с множеством примеров полевых ситуаций, стратегий, инструментов и документов. Обсуждаются проблемы доступа в поле, сбор визуальных материалов,

* Штейнберг Илья — кандидат философских наук, доцент кафедры юридической психологии, Московский государственный психолого-педагогический университет; преподаватель интенсивных курсов повышения квалификации, Институт социологии ФНИСЦ РАН, isteinberg@mail.ru.

вопросы архивирования данных и многие другие актуальные аспекты исследовательской работы. В книге пошагово выстраивается логика полевого проекта от конструирования исследовательского дизайна до выхода из поля и сохранения связей с ним.

Ключевые слова: качественное исследование; методы сбора данных; доступ в поле; интервью; наблюдение; исследовательская рефлексия

Введение

В современном мире с его объемом и доступностью информации практические руководства и инструкции пользователя, которые охватывают все сферы жизни, меняются в сторону простых и понятных для восприятия текстов, где на наглядных примерах, с применением механик инфографики и прочей визуализации, демонстрируются способы решения различных задач. Тематический охват этих «руководств» значительно изменился и поражает своим разнообразием. Прежние скромные издания из серии «Сделай сам», касающиеся посильного строительства из подручных материалов, ремонта, приготовления пищи, самоучители игры на музыкальных инструментах и подобные издания значительно отличались от профессиональных практических пособий с их обилием специфических терминов и понятий, использованием инструментов, труднодоступных для «любителя» и требованиями к наличию базовой теоретической подготовки и определенного уровня специфических навыков и умений. Сегодня эти границы, мне кажется, стираются под натиском продукции под шапкой «Это просто». «Маркетинговое исследование — это просто» или «Доступно о том, как провести фокус-группу, интервью, собеседование» и проч. Правда, пока не появились практические советы любителям в дисциплинах, где есть очевидные негативные последствия для пользователя или технические сложности. Например, еще нет практического руководства с названием «Укладка парашюта — это просто» или «Самоучитель игры на классическом органе». Возник и стремительно развивается особый жанр — «лайфхаки», который многие отождествляют с тем, что авторы учебного пособия обозначили как практические руководства в стиле “*how to do*” (т.е. руководства к действию) (Ваньке, Полухина, Стрельникова, 2020: 7).

Почему возникает спрос на практическое руководство по качественным исследованиям в виде сборника «лайфхаков» как полезных советов и хитрых трюков в решении бытовых проблем для экономии времени и денег? Потому что интервью, наблюдение, фокус-группа выглядят как обыденные практики общения, где достаточны бытовые навыки «вести беседу», «внимательно наблюдать», «проводить собрание». Никто же не откажет себе в коммуникабельности, умении сопереживать, эмпатии и прочих прекрасных человеческих качествах, которые нужны для общения с другими людьми. Понимание, что это «не просто», появляется, когда наступает момент оценки результата этих «бесед». Даже простая сборка мебели по инструкции с подробным

описанием, рисунками и видео пошаговых действий приводит иногда к отчаянию «начинающего сборщика» и вызову «специально обученных людей». А что же говорить о «сборке» факторов для модели поведения нелинейных систем, которыми являются люди и их сообщества?

На мой взгляд, авторы практического пособия «Как собрать данные в полевом качественном исследовании» избежали искушения превратить его в «лайфхаки» для полевого исследования качественными методами, показав, что это «не просто». Достаточно посмотреть на структуру текста, на используемую профессиональную терминологию, на описание полного цикла полевого исследования, чтобы понять, что отправиться в поле «с чистого листа», с «незамутненным взглядом ребенка», без соответствующей подготовки, которой достигается состояние “*tabula rasa*” и «настраивается оптика» исследователя, может повлечь за собой большие риски не собрать первичную информацию, релевантную целям и задачам проекта.

Например, в «наставлениях» по методам сбора качественных данных редко упоминается необходимость до выхода в поле определиться с аналитической рамкой проекта, «задающей определенную перспективу для изучения объектов, субъектов и феноменов» (Ваньке, Полухина, Стрельникова, 2020: 14). Авторы подчеркивают, что эта аналитическая рамка — не статичный теоретический конструкт, а результат циклического процесса построения объяснительных гипотез: циклические процедуры по Моргану (Morgan, 2014) или спиралевидные по Гобо и Молле (Gobo, Molle, 2017). Такая активность предполагает знание существующих теоретических концептов относительно темы исследования или хотя бы парадигмальных основ качественного подхода и его отличия от количественного, то есть уже «не просто».

Продолжение и развитие традиции

С другой стороны, обилие примеров конкретных академических и научно-практических проектов, выполненных в рамках социологических, этнографических и междисциплинарных исследований, демонстрирует стиль “*how to*”, где на практике применяются предлагаемые в пособии методы. Особенно хотелось бы подчеркнуть, что почти все эти примеры взяты из непосредственно личной практики исследований авторского коллектива. По собственным ощущениям от процесса написания подобных методических работ я знаю, что пропущенный автором через себя опыт использования данного метода помогает лучше описать его возможности и ограничения на практике, дает более системное представление о том, как выбранный метод вписывается в общий замысел проекта.

В этом, мне кажется, проявляется заявленное авторами во введении «продолжение отечественных традиций». Еще в 1999 г. в предисловии к нашей с Евгением Ковалевым книге по качественным методам, которую мы написали по материалам пятилетнего междисциплинарного исследования под руководством Теодора Шанина, Ольга Михайловна Маслова отметила,

что «здесь все начинается с примера» (Ковалев, Штейнберг, 1999: 10). В своем предисловии она многократно подчеркивала важность личного опыта авторов в использовании тех методов и парадигм, которые они предлагают читателям в качестве практического руководства к действию. В то время в нашей научной литературе по качественным методам в социологических исследованиях шел «золотой век переводчиков»: учебные пособия строились в основном на заимствованных примерах из опыта зарубежных исследовательниц. Теперь дефицита ни в переводах, ни в отечественном исследовательском опыте не наблюдается. Это дает возможность работать в штатном режиме сравнения и анализа собственных методических усилий с мировым опытом в этой сфере, что и демонстрируют авторы этого издания.

Перед любым практическим руководством или учебным пособием стоит задача преодоления разрыва компетенций между тем, что читатель знает о методе, и тем, что он потом «сумеет сделать руками». Этот «разрыв» можно преодолеть при условии, что в процессе освоения конкретного метода присутствуют три компонента: 1) объяснение, что надо делать и почему надо делать именно так (теоретическое обоснование метода); 2) демонстрация на собственном примере (обучить другого можно только тому, что умеешь сам); 3) дать самим студентам попробовать повторить то, что показал учитель (для корректировки, усвоения и закрепления практического навыка). Мне показалось, что авторы пособия стремились следовать этой логике. На это указывают небольшие экскурсы в методологию, описание своего опыта использования метода, учебные задания и нацеленность на последующую учебно-производственную практику в рамках экспресс-экспедиций.

Хочется обратить особое внимание на включение в содержание данного руководства разделов, которые в отечественных учебных пособиях по методикам исследования для вузов встречаются редко, а некоторые темы поднимаются обычно в журнальных статьях или на онлайн-площадках. Например, «Мобильный исследователь: как современные устройства помогают в сборе данных» или «Архивация полевых данных», «Выход из поля и сохранение связей с ним», «Этика полевых исследований». Есть даже «наставления» по построению дизайна исследования в парадигме «публичной социологии», которую развивает Майкл Буравой (Буравой, 2008). В этом заявленный авторами стиль «*how to do*», на мой взгляд, прошел испытание на прочность и последовательность, так как в отечественном дискурсе публичной социологии мало кто идет дальше дискуссий между «академиками» и «практиками». В руководстве исследование трактуется в рамках публичной социологии как сбор и анализ информации о жизненной ситуации акторов, «доведение результатов проекта до более широких аудиторий и возвращение социологического знания в район, где проводилось полевое исследование» (Ваньке, Полухина, Стрельникова, 2020: 21–22). Авторы предлагают свою трактовку дизайна проекта в рамках публичной социологии и показывают, как может на практике выглядеть «наделение властью уязвимых групп», которые используют результаты исследования для улучшения своего положения.

В академическом и традиционном научно-практическом исследовании грань, где кончается наука и начинается политика, часто обозначена линией с надписью «практические рекомендации». Эти «практические рекомендации» предназначены, прежде всего, для принятия управленческих решений администрацией и прочими институтами власти. Конечно, хотелось бы более детального описания процедуры «возвращение социологического знания в район» из перспективы «наделения властью его жителей». Безусловно, не хватает анализа последствий этих интервенций для самих уязвимых групп. Однако сама попытка говорит о серьезности намерений авторов показать на собственном опыте, что значит осуществить проект в рамках определенной социологической концепции.

Ремесло и искусство в качественных методах

Поле для качественных методов исследований выглядит избыточно широко для однозначного понимания его возможностей и ограничений. Выступать с критикой какого-либо авторского подхода или попыток адаптации методического арсенала смежных дисциплин, на мой взгляд, занятие неблагодарное, если заранее не уточнить тип конкретного исследования, его цели и задачи, а главное, иметь сведения о достижении этих целей, того, что удалось и что не получилось в результате. Мне кажется, что любое учебное пособие по методам должно включать раздел по работе над своими ошибками в применении инструментов исследования. Приятно отметить, что авторы, видимо, тоже считают это важным, так как текст руководства изобилует констатациями, что не все удалось достичь, как было задумано, хотя не везде это сопровождается анализом причин.

Например, в разделе подготовки к полю было дано «наставление» при разработке дизайна проекта придерживаться логики определенной дисциплины. В качественном поле смещения в такой логике чаще наблюдаются между социологией и этнографией. Авторы делают попытку показать эти различия на примерах двух исследований. Из них следует, что граница между социологическим и этнографическим исследованием пролегает по степени формализованности инструментария и использования вторичных данных. А «этнографичность» сбора данных, заключается во «вживании» в культурный контекст» плюс проявление «внимания исследователя к выстраиванию отношений с представителями изучаемой социальной группы». Наверное, читателю хотелось бы еще увидеть различия в целях и задачах, теоретических рамках, гипотезах, выборке и других элементов программы этих типов исследования.

Такие примеры дают представление о том, чем логика дизайна социологического исследования может отличаться от этнографического. Авторы добросовестно указывают, что исследование, которое планировалось как этнографическое кейс-стади, по факту больше тяготеет к социологическому исследованию (Ваньке, Полухина, Стрельникова, 2020: 28–30). Это

говорит о том, что логика дизайна была нарушена, и пусть анализ причин этого ограничивается короткими сроками экспедиции, недостаточными для вживания и проч., само описание проекта, где «этнографичность» удалось соблюсти только частично, так как «поле» длилось только месяц и доверительных отношений с заводскими рабочими не сложилось, уже делает текст живым и достоверным. Здесь бы неплохо, мне кажется, дать представление о критериях, по которым можно об этом судить. Например, что это не только «доверительная информация» в беседах, но факты приглашения в гости домой, на семейные праздники, мероприятия «для своих», расширение того, что «они готовы показать чужаку» и т.п.

В идеале можно найти пример, где «плохое этнографическое исследование» может превратиться в «хорошее социологическое» или не стать ни тем, ни другим. В приведенных примерах проектов можно показать этнографические и социологические аспекты в задачах изучения «повседневной жизни в индустриальном районе» и сложности в стремлении оставаться в рамках одной логики. Например, ключевой вопрос одного из них: «Что представляет собой идентичность современного индустриального рабочего в постсоветском пространстве?» — выглядит как этнографический. Он содержит задачу описания этого феномена и не предполагает выяснение того, под влиянием каких внешних социальных институтов эта идентичность сформировалась именно такой, а не иной, что обычно входит в задачи социологического проекта. Таким образом, если речь идет о практическом руководстве, то, видимо, надо постоянно напоминать о различиях в подготовке и проведении социологического, антропологического, этнографического исследования или показать необходимость междисциплинарного подхода. Может быть, стоило бы в заданиях по закреплению материала раздела подготовки к полю дать описание двух проектов с задачей определить его тип или предложить, например, сделать социологическую проблематизацию темы, которая заявлена как этнографическая, или наоборот.

Поскольку данная работа представляет собой не компиляцию различных учебных пособий по качественным методам, а авторский взгляд на то, что эти пособия собой представляют и как можно помочь студентам их освоить для практического использования, то я бы остановился на ряде тем, которые представляются мне «болевыми точками» в организации и проведении сбора первичных данных качественными методами.

Ключевой исследовательский вопрос

Авторы руководства не обошли вниманием серьезную проблему полевого качественного исследования — поиск и формулирование ключевого исследовательского вопроса как центральной оси проекта. В целом данная тема достаточно подробно рассмотрена, показано значение ключевого вопроса темы, приведены примеры и даны упражнения для закреплению материала. При этом использован довольно редкий прием, когда из ключевого вопроса

предлагается сформулировать «подвопросы» для интервью и для наблюдения. Здесь, мне кажется, было бы полезно развести описательные и объяснительные ключевые вопросы. В приведенных примерах предложены описательные вопросы: «Как современные работники воспринимают и описывают свою работу?» или «Что представляет собой идентичность современного индустриального рабочего в постсоветском пространстве?» Описательные вопросы более свойственны этнографическим исследованиям, нацеленным на описание новых или малоизвестных практик.

Социологические качественные исследования тоже могут иметь ключевые вопросы в описательном формате, но чаще нацелены на объяснение в целом известных социальных феноменов через факторы внешней среды. Для этого они иногда формулируются в форме парадокса, например: «Почему, несмотря на это, происходит не то, что ожидалось?» Тот же вопрос про идентичность может содержать парадокс: «Почему люди, которые не считают себя ни бедными, ни богатыми, не идентифицируют себя со средним классом?» Ключевой вопрос в исследовании, посвященном крестьянской идентичности жителей села, нес такой же парадокс: «Почему житель села, при постоянном проживании в нем, занимаясь сельскохозяйственным производством, имея свой земельный надел, считает себя не крестьянином, а бывшим колхозником или «мелким предпринимателем»? Или: «Почему одни фермеры считают себя крестьянами, а другие нет?»

Данная глава, на мой взгляд, значительно бы выиграла, если бы студентам были предложены критерии, по которым можно отличить этот тип вопросов в программе исследования, и сформулированы задания по их тестированию на «право называться ключевыми».

Выборка в качественных исследованиях

Наверное, это одна из самых болезненных точек в проектировании дизайна исследования. В вопросе: «Почему вы считаете, что столько респондентов достаточно для интервью в этом исследовании?» — скрыта постоянная и любимая мишень для критики этого подхода. Имя этой мишени — «Репрезентативность». В пособии перечислены основные способы конструирования выборки, приведен пример работы методом «снежного кома», но тема «репрезентативности», на мой взгляд, нуждается в дополнении. Например, одним из аргументов авторов, смягчающих остроту проблемы, является признание, что с точки зрения количественного подхода эти выборки «нерепрезентативны». Но при этом делается замечание, что «даже среди этнографов встречаются и такие, кто настаивает на необходимости конструирования именно репрезентативных выборок в этнографических исследованиях» (Ваньке, Полухина, Стрельникова, 2020: 36–37) со ссылкой на Гобо и Молле (Gobo и Molle, 2017). Этот тезис нуждается в пояснении в том плане, что надо четче понимать, что имеется в виду под репрезентативной выборкой в качественном исследовании. Понятно, что репрезентировать структуру

населения так, как это делается в массовых опросах, не то что города, но даже и среднего по численности села такая выборка не может. Но, тем не менее, мы можем говорить о репрезентации отдельных практик и смыслов, которые вкладывают в них их носители как представители определенных социальных групп или сообществ. Для этого используются логические схемы, которые позволяют «до поля» примерно рассчитать число интервью, то есть построить целенаправленную квотную выборку для ответа на ключевые вопросы исследования. Некоторые авторы считают, что в большинстве качественных исследований это число составляет в среднем от 15 до 50 респондентов. Надо отметить, что я тоже вышел на это число, когда пытался найти способ борьбы с «ложным снежным комом» в исследовательских интервью. В результате появилась «восьмиоконная модель выборки», которая позволяет логически обосновать число респондентов перед выходом «в поле», то есть построить целенаправленную квотную выборку, репрезентирующую практики и типы их носителей, которые интересуют проект (Штейнберг, 2014). Правда, этот метод имеет ограничения, так как продуктивен при групповой работе (является элементом «длинного стола»), лучшие результаты получены для экспертных интервью, а также предполагает коррекцию «окон» выборки в ходе этапа «в поле» и т.п.

Наблюдение в поле

Наблюдение, пожалуй, наиболее сложный способ сбора первичных данных в качественных исследованиях. Поэтому не случайно авторы указывают на проблемы с выбором и фокусировкой на объекте наблюдения, способах фиксации, описания и интерпретации результатов. Перечислены различные инструменты для наблюдения и описания его объектов и роли самого наблюдателя, читателя знакомят с практикой использования полевого дневника, затронут вопрос об *этике полевого исследователя*.

Как положительный момент надо отметить факт, что структура раздела «Сбор полевых данных» повторяет логику полевой работы качественными методами, которая всегда начинается с наблюдения. Даже тогда, когда в программе исследования методом сбора данных выбрано структурированное интервью или фокус-группа, мы начинаем наблюдать, а лишь потом задавать вопросы, кроме, пожалуй, интервью в удаленном доступе, например, по телефону или посредством других гаджетов, где возможна только голосовая связь.

«Механика мозга» устроена таким образом, что понимание собеседника и объяснение его поведения в интервью предполагают определенную последовательность: наблюдение — восприятие — обращение к опыту для идентификации информации — понимание — объяснение. Без сознательной фиксации невербальной информации с помощью полевых дневников, описания контекста интервью (обстановки, состояния респондента и проч.)

интерпретация ответов в плане понимания их смысла может быть значительно осложнена. Это хорошо видно на примерах различий в понимании ответа респондента самим интервьюером и «приглашенным» аналитиком транскрипта интервью.

Авторы обращают внимание на смену ролей наблюдателя в процессе исследования в результате установления более доверительных отношений с участниками исследования или изменения целей и задач. Это ценное замечание, которое хотелось бы дополнить предостережением от произвольной «смены ролей», когда «наблюдатель» движется по пути сокращения дистанции с объектом наблюдения, погружаясь в его повседневные практики и человеческие отношения. Он может не заметить, что стал включенным наблюдателем и даже участником. Особенно это актуально для социологических проектов, где в поле важнее понимание, а после поля — объяснение. Здесь на первый план выступает дистанция особого рода — это дистанция между пониманием и объяснением. «Ассимиляция с полем» в наблюдении ведет к эффекту «замысленности взгляда», когда возникает иллюзия, что все понял и объяснять необходимости нет.

В тексте отдельно выведен для обсуждения методический спор относительно продуктивности индивидуального и коллективного наблюдения. С одной стороны, нет сомнений, что команда наблюдателей за массовым явлением (митингом, демонстрацией и проч.) соберет больше данных для анализа и представит более объемную картину, особенно если это полипрофессиональная группа. Здесь тоже, на мой взгляд, стоит оговорить, что «одинок» может быть эффективен, если работает по узкой теме. Например, наблюдает только факты взаимоотношения «стражей порядка» с демонстрантами в указанных в плане наблюдения «узловых точках». Это похоже на работу репортеров в горячих точках или на спортивных соревнованиях. Они по своему опыту знают, где надо находиться для наблюдения, чтобы поймать нужный момент, фиксируя, что должно или не должно произойти. В одном нашем проекте у наблюдателя был «лайфхак» — незаметно расположиться неподалеку от стоянки патрульной машины как точки лучшего обзора за происходящими событиями. Но это все предполагает высокий уровень профессионализма, а для обучения студентов практикам наблюдения все же предпочтительнее коллективный формат, где можно сравнивать результаты наблюдения несколькими наблюдателями одного и того же объекта.

Полевой дневник

Ведение полевых дневников является привычным атрибутом полевой работы антрополога и этнографа. В социологических исследованиях этот инструмент исследователя-качественника вызывает много вопросов, связанных с его целесообразностью, содержанием, порядком заполнения

и проч. «Руководство» предлагает различать формализованный дневник наблюдения и ведение дневника в свободной форме. Первый более распространен в практике социологического исследования, второй — в этнографии и антропологии. В пособии перечисляются функции полевого дневника: «структурировать и систематизировать сбор эмпирических данных; зафиксировать повседневные смыслы и контексты ситуаций, в которых происходят коммуникации и интеракции между исследователем и участниками исследования; проследить развитие отношений между исследователем и участниками исследования; отразить эмоциональное состояние исследователя при нахождении в поле; сформулировать предварительные предположения и сделать первичный анализ» (Ваньке, Полухина, Стрельникова, 2020: 99).

Я не случайно полностью привел весь список функций дневника из пособия: тем самым я хотел показать, что их осуществление требует много времени, специфических навыков и физической нагрузки, особенно в рамках социологической экспресс-экспедиции, где день за днем до окончания «поля» интервьюер может проводить несколько интервью или наблюдений на разных объектах. Поэтому сетование на нехватку времени и сил на заполнение полевых дневников — это неременный атрибут таких полевых исследований. Здесь важно отметить, что дневник ведется «до поля, в поле и после поля» и встречаются его виды с относительно высокой формализацией. Например, в ходе наших «длинных столов» применяется формат «группового полевого дневника» для осуществления процедуры аналитической триангуляции, который собран по принципу «необходимое и достаточное». Он включает обязательные разделы для полевых дневников участников проекта, например, описание контекста интервью, «что считать ответом на ключевой вопрос исследования», «неожиданные ответы», «метафоры и сравнения респондента, поясняющие его ответ». Кстати, в методике обучения полевых исследователей он выполняет роль тренажера для приобретения навыков работы с полевым дневником.

В раздел, где объясняется, почему полевые дневники необходимы, будет полезным добавить еще две функции дневника: подстраховка в случае отказа техники фиксации объекта или невозможности ее использования, а также значение полевого дневника не только для наблюдателей, но для «объектов» наблюдения, так называемый эффект икебаны, когда наблюдатель ведет запись в их присутствии. Здесь возможны как позитивные, так и негативные последствия, которыми можно управлять (например, темп речи респондента, перевод темы, совместное создание рисунков или схем, поясняющий вопрос и ответ). Не всегда отмечается факт, что полевой дневник может служить инструментом для управления процессом общения между интервьюером и респондентом. От классического «лайфхака» — «говорите медленнее, я записываю», до организации паузы в разговоре, возврата к предыдущему ответу или вопросу, снятия негативных моментов «контакта глазами» и проч.

Тандемное интервью, биографические прогулки и «насыщенность»

Следующие главы пособия посвящены слабо представленным в методических учебных пособиях практикам тандемных интервью и биографическим прогулкам. В главе 5 («Полевое интервью») приведена таблица критериев для предварительного тестирования гайда, а описание тандемного интервью уходит от привычного наставления заранее распределить роли («беседчик» и «наблюдатель-регистратор») к широкому спектру возможностей этого метода. Важно, конечно, помнить, что здесь есть опасность попасть в формат «перекрестного допроса» или столкнуться с индивидуальными особенностями респондента, который предпочитает беседы без посторонних, включая второго интервьюера.

Также нечасто встретишь обоснование народной мудрости «лучше меньше, да лучше» — авторы следуют здесь за Веллером, который доказывал, что небольшая выборка ($n = 10$) с интенсивным зондированием темы будет более продуктивна, чем большая выборка с поверхностными интервью без зондирования (Weller et al., 2018). Особенно важно упоминание, что «тематическое насыщение может быть иллюзией или неумением использовать тактики зондирования (углубления)» (Ваньке, Полухина, Стрельникова, 2020: 120). А ведь именно «насыщенность» собранных интервью, когда ответы респондентов начинают повторяться, является основным аргументом для «остановки снежного кома» в поле.

Что касается биографических прогулок и использования рисунков, то здесь есть много пересечений с частью работы, посвященной полевому дневнику.

Визуальные и проективные данные

Стоит обратить внимание на использование проективных методов в качественных исследованиях. Здесь, наверное, наиболее четко видна граница между социологическими и этнографическими исследованиями. Наблюдение как метод определения внутреннего состояния человека не является надежным. Например, ни внешний вид, ни язык тела не могут дать достоверной информации о степени удовлетворенности жизнью или ощущении счастья. Люди могут выглядеть одинаково, но быть в разной степени счастливыми и несчастными, или выглядеть по-разному, но быть одинаково удовлетворенными своим положением. Количественные анонимные опросы или формализованные интервью за счет нивелирования ответов в больших массивах данных остаются самым надежным методом из ненадежных. Даже фактор ситуативности может быть «переварен» большим объемом выборки. Для «качественников» же вопрос о сравнении данных и обобщениях, присутствующих в их отчетах, остается наиболее неприятным. Нет никаких серьезных оснований считать, что можно сравнивать самооценку ощущений или фактов

своей биографии у людей, принадлежащих к разным культурам, имеющим различные индивидуальные особенности и жизненные истории. Здесь нагрузка на выборку и доверие к субъективности исследователя чрезвычайно велика, поскольку мы имеем дело с двойной рефлексией — рефлексией исследователя по поводу рефлексии респондента. Продукт этого совместного конструирования смыслов может содержать риск «двойной ошибки», поэтому надежность выводов должна проверяться в социологическом исследовании методической триангуляцией, которая помогает сравнить рефлексия респондента с его социальным поведением.

Еще один интересный вопрос поднят авторами — это вопрос о том, в какой части гайда должны предлагаться задания, связанные с проективным методом. Безусловно, верна рекомендация ставить эти методы в конце гайда, но здесь надо напомнить, что для многих респондентов «раппорт» с интервьюером легче наладить через техники визуализации, здесь работает установка, пришедшая к нам из глубины веков — «обзор и укрытие» (когда тебя не видят, а ты видишь все). Если интервьюер видит, что респонденту с трудом дается вербализация своих мыслей и чувств, то рисунки, схемы, фотографии можно предложить и в начале интервью.

Этическая комиссия

Данное руководство содержит описание исследовательских практик, которые пока не нашли широкое распространение в России. Одна из них — это этическая комиссия, которая действует, в частности, в НИУ ВШЭ и проводит этическую экспертизу инструментов социологического исследования. Важно, что здесь приведен пример этического протокола, где перечислен ряд вопросов, связанных с обеспечением безопасности информантов в психологическом, моральном и социальном плане. Например, это вопросы анонимности, принадлежность к социально уязвимым группам, возможные негативные реакции на вопросы и проч. характеристики основных исследовательских инструментов, в отношении которых необходимо заполнить этический протокол — документ, который уточняет этические принципы исследования: как будет использоваться домашний адрес участников, не принадлежат ли участники проекта к социально уязвимым группам (беременные, дети до 16 лет, лица с хроническими расстройствами и др.); не спровоцируют ли исследовательские действия стресс у информантов и многое другое.

Конечно, желательно бы было, чтобы авторы не ограничились только упоминанием, что к их проекту претензий со стороны комиссии не было. На мой взгляд, полезно было бы привести пример, когда этическая комиссия отклонила исследовательский инструмент по конкретным причинам, так как на Западе этические комиссии редко объясняют причины, по которым инструмент проекта признан «неэтичным».

«Эмпатическая кооперация»

В «наставлениях» студентам упомянута еще одна «болезненная точка» в интервью, названная **«эмпатической кооперацией»** с исследователем, когда респонденты «будучи расположенными к общению, готовы давать развернутые ответы на «непонятные» для них вопросы». К сожалению, надо отметить, что в эту ловушку попадают не только участники студенческой практики, но и опытные исследователи. Причины, по которым респондент «начинает интенсивно рассказывать совсем о другом», могут быть гораздо шире нежелания показаться некомпетентным, если вопрос непонятен или выглядит как «не совсем корректный или абстрактный». Бывает ситуация, где как раз ошибкой будет прерывание «ответа не по теме», так как не всегда можно быть уверенным, что респондент не понял вопрос. Бывает, что он потом неожиданно «выруливает на тему», встречаются собеседники, которым в ответе надо «начать издалека». В некоторых исследованиях, где используется дискурс-анализ, «непонимание вопроса» или его собственное толкование респондентом является само по себе ценной информацией. Здесь можно дать две рекомендации: 1) кроме просьбы «спрашивать, если непонятно», которая редко находит отклик, терпеливо ждать момента, когда становится ясно, что вопрос не понят, и попросить привести пример, по которому можно лучше понять, на какой вопрос отвечает респондент; 2) если вопрос содержит формулировки или понятия, которые могут быть восприняты по-разному, то лучше предварительно уточнить, какой смысл в них вкладывает респондент. Вообще, это хорошая тема для обсуждения со студентами феноменологического подхода в качественных исследованиях, где одновременно существует множество жизненных миров.

Доступ к полю

Тема доступа к полю, мне кажется, авторам пособия вполне удалась. Достаточно перечислить важные составляющие этого этапа полевого исследования, с которым большинство практиков связывают 50% успехов и неудач в сборе информации. Например, это различия в доступе к полю, которое представляет собой открытую, многочисленную группу, знакомую с практикой исследований (Ваньке, Полухина, Стрельникова, 2020: 68) и к полю с труднодоступными респондентами (закрытые группы, носители латентных практик). Стремление показать всю линейку респондентов (как у нас говорят, «от таксиста до министра») приводит к важному обсуждению разнообразия входов в поле и различных тактик исследователя, которые собраны в таблицу «Описание тактик доступа в поле исследования» (Ваньке, Полухина, Стрельникова, 2020: 70). Здесь указаны и письма-приглашения, и флаеры, и помощь «проводников», рекрутеров и т.п. Важно подчеркнуть, что в этой главе представлены описания личного опыта использования этих тактик и показана их результативность.

Жаль только, что не указано, как эти тактики синхронизированы с типом исследования и моделью выборки: ведь одно дело социологическая экспресс-экспедиция, где от предварительной работы «на берегу» крайне сильно зависят ее результаты, другое дело — этнографическая экспедиция с ее технологией «вживания», где вопросы доступа в поле можно решать «по обстановке». Многие риски работы с труднодоступными респондентами также можно оценить заранее, если озаботиться простым вопросом: «Из каких соображений информант согласится на интервью с социологом, компетенция которого (как право задавать вопросы и получать ответы) непонятна?» Здесь появится широкая палитра «ресурсов доступа» от «по знакомству», «из любопытства», «из-за тщеславия» до «просто заплатить». Исходя из этого, выбираются подходящие тактики, которые позволяют существенно облегчить доступ к полю.

Методы обучения методам

Если говорить о том, чего в этом практическом руководстве действительно не хватает как отдельного раздела, то это главы о подготовке полевых исследователей, которым предстоит использовать на практике все эти «наставления». Дело в том, что главным инструментом полевого качественного исследования является сам исследователь, который обладает необходимыми специфическими и неспецифическими навыками для применения инструментов сбора данных. В этом деле мы вынуждены зависеть от его субъективности. Ее нельзя исключить, но ее можно осознать, тем самым повышая надежность и достоверность полученных данных. Для этого нужен определенный уровень развития рефлексивности. Никто же не ожидает от человека без музыкального слуха, что он сможет хорошо сыграть на скрипке, даже если он знает нотную грамоту. В работе перечисляются многие неспецифические навыки, такие как рефлексия, эмпатия, аналитичность мышления, организованность, коммуникабельность и проч., которые требуются для овладения специфическими, такими как умение архивировать, тестировать гайд, проводить интервью или наблюдение, вести полевой дневник и т.д. На мой взгляд, нужны способы диагностики уровня развития неспецифических навыков и специальные тренировочные упражнения для их доведения до уровня, необходимого для данного ремесла. Методики создания и развития рабочих групп для реализации проектов в гуманитарной сфере, где наш «метод длинного стола» и его модификации — это только один из большого числа возможных подходов.

В учебном пособии эта проблема, видимо, решается опытом применения этих инструментов на практике студенческих экспедиций, а может быть, лекцией студентов «со слухом» для участия в «практике». Я это пишу не в плане критики авторов, а для того, чтобы обозначить проблему, которая сегодня очень актуальна, но по ряду причин находится в тени тренда по совершенствованию технологий с использованием новых возможностей электронных

средств коммуникации и освоением киберпространства. Это усиливает разрыв компетенций между знаниями о методе и способностью его применить на практике. Здесь большое поле для создания «методов по обучению методам» специалистов, которым предстоит применять качественный подход в решении научных или практических задач во всех возможных средах.

В заключение, говоря об учебном пособии А. В. Ваньке, Е. В. Полухиной и А. В. Стрельниковой, мне особенно приятно отметить, что данное «Практическое руководство» представляет собой достойный образец методического пособия по обучению профессиональным навыкам ремесла исследователя-качественника. Полагаю, что оно найдет благодарных читателей не только из студенческой среды, но будет полезно и для опытных специалистов-практиков.

Литература

Буравой М. За публичную социологию // Общественные движения в России: точки роста, камни преткновения / Под ред. П. Романова, Е. Ярской-Смирновой. М.: ООО «Вариант», ЦСПГИ, 2008. С. 8–51.

Ваньке А. В., Полухина Е. В., Стрельникова А. В. Как собрать данные в полевом качественном исследовании. М.: Изд. дом ВШЭ, 2020. DOI: <https://doi.org/10.17323/978-5-7598-1960-8>

Ковалев Е. М., Штейнберг И. Е. Качественные методы в полевых социологических исследованиях. М.: Логос, 1999.

Штейнберг И. Е. Логические схемы обоснования выборки для качественных интервью: «восьмиоконая» модель // Социология: методология, методы, математическое моделирование (4М). 2014. № 38. С. 38–71.

Gobo G., Molle A. Doing Ethnography. 2nd ed. Los Angeles; L.; New Delhi; Singapore; Washington; Melbourne: SAGE, 2017.

Morgan D. Integrating Qualitative and Quantitative Methods: A Pragmatic Approach. Thousand Oaks, CA: SAGE Publications, 2014. DOI: <https://doi.org/10.4135/9781544304533>

Weller S. et al. Open-Ended Interview Questions and Saturation // PLoS ONE. 2018. Vol. 13. № 6: e0198606. DOI: <https://doi.org/10.1371/journal.pone.0198606>

Дата поступления: 1.08.2020

Life Hacks, How Tos, and Guides in the Qualitative Research Data Collection Tutorial

DOI: 10.19181/inter.2020.12.3.6

Ilya Shteinberg

Shteinberg Ilya — Candidate of Philosophy, Associate Professor, Department of Legal Psychology, Moscow State University of Psychology and Education; Lecturer, Centre for Sociological Education, Institute of Sociology of FCTAS RAS, isteinberg@mail.ru.

A review of the textbook by A. V. Vanke, E. V. Polukhina and A. V. Strelnikova “How to Collect Data in Field Qualitative Research”. The authors of the book describe a joint experience of participation in field research projects, choosing the genre of “how to do” with many examples

of field situations, strategies, tools and documents. The problems of access to the field, visual materials collecting, issues of data archiving, and many other topical aspects of research work are reviewed here. The book shows the logic of a field project step by step, from constructing a research design to leaving the field and maintaining connections with it.

Keywords: qualitative research; data collection methods; access to the field; interview; observation; exploratory reflection

References

Burawoy M. (2008) Za publichnyuyu sociologiyu [For Public Sociology]. *Obshchestvennyye dvizheniya v Rossii: tochki rosta, kamni pretknoventiya* [Social Movements in Russia: growing points and stumbling blocks] / Ed. by P. Romanov, E. Yarskaya-Smirnova. M.: OOO "Variant", CSPGI. P. 8–51. (In Russ.)

Gobo G., Molle A. (2017) *Doing Ethnography*. 2nd ed. Los Angeles; L.; New Delhi; Singapore; Washington; Melbourne: SAGE.

Kovalev E. M., Steinberg I. E. (1999) *Kachestvennyye metody v polevykh sociologicheskikh issledovaniyakh* [Qualitative Methods in Sociological Fieldwork]. M.: Logos. (In Russ.)

Morgan D. (2014) *Integrating Qualitative and Quantitative Methods: A Pragmatic Approach*. Thousand Oaks, CA: SAGE Publications. DOI: <https://doi.org/10.4135/9781544304533>

Steinberg I. E. (2014) Logicheskie skhemy obosnovaniya vyborki dlya kachestvennykh interv'yuu: «vos'miokonnaya» model' [A Logical Scheme to Justify the Sample in Qualitative Interview: An "8-Window Sample Model"]. *Sociologiya: metodologiya, metody, matematicheskoe modelirovanie (4M)* [Sociology: methodology, methods, mathematical modeling (4M)]. No. 38. P. 38–71. (In Russ.)

Vanke A. V., Polukhina E. V., Strelnikova A. V. (2020) *Kak sobrat' dannye v polevom kachestvennom issledovanii* [How to Collect Data in Qualitative Field Research]. M.: Izd. dom VShE. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.17323/978-5-7598-1960-8>

Weller S. et al. (2018) Open-Ended Interview Questions and Saturation. *PLoS ONE*. Vol. 13. No. 6: e0198606. DOI: <https://doi.org/10.1371/journal.pone.0198606>

Received: 01.08.2020